

ОЛЬГА СТЕПНОВА

16+

НЕКРАСИВАЯ

ФИЛЬМ ПО КНИГЕ СКОРО НА КАНАЛЕ "РОССИЯ"!

Ольга Степнова

Некрасивая

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Степнова О.

Некрасивая / О. Степнова — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-99068-5

Маша выросла с осознанием, что она некрасивая, и в личной жизни ей ничего не светит. Именно поэтому, став свидетельницей преступления своего начальника Сержа с любовницей, она сначала спасает жизнь сбитому пешеходу Груздеву, а потом вынуждает Сержа провести с ней ночь и даже жениться. За это она готова предоставить следствию доказательства, что за рулем во время аварии был не начальник, а его любовница - она видела это собственными глазами. Чтобы не сесть в тюрьму, начальник соглашается на условия Маши и женится на ней. Но дальше события развиваются не по сценарию Маши. Скоро на канале "Россия"! Сериал Ольги и Владимира Басовых по повести Ольги Степновой "Некрасивая". В главных ролях Лиза Арзамасова и Артём Крылов.

ISBN 978-5-532-99068-5

© Степнова О., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

I	5
II	7
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ольга Степнова

Некрасивая

I

Я некрасивая.

И это не заниженная самооценка, это факт, ежедневно подтверждаемый зеркалом и отношением окружающих.

Нет, я от этого не страдаю.

Я нахожу в этом много плюсов.

Когда тебя не считают соперницей – тебя перестают замечать.

А когда тебя перестают замечать, открывается широкое поле деятельности.

Красоткам и не снилось, как много возможностей открывается тем, кого перестают замечать, кого ни во что не ставят, на кого смотрят, как на пустое место.

Сержа Никитина назначили начальником отдела культуры три дня назад.

"Холостой-холостой-холостой..." – пронеслось среди женской части редакции.

"Квартира-машина-загородный дом, живет с мамой...", – дополнилась информация на следующий день.

Я не понимала, чего так все дамочки перевозбудились, пока не столкнулась с новым начальником в туалете.

Да, он перепутал женский туалет с мужским и мыл руки в тот момент, когда я зашла туда ополоснуть заварочный чайник.

– Ой, – вырвалось у меня. – А ничего, что на двери девочка нарисована?

Он обернулся и посмотрел на меня. Длинный, субтильный, немного угловатый, как кузнецик, с синими прищуренными глазами, может, и не красавчик для кого-то, не знаю, а для меня так единственный тип мужика, от которого подкашиваются ноги. Мне показалось, что он заговорит по-французски.

Он вышел, глянул на внешнюю сторону двери и усмехнулся.

– И, правда, девочка. Извините.

– Ничего, – пожала плечами я и начала ополаскивать чайник. – Можете меня не стесняться.

– Почему?

– Потому.

– А, вы уборщица! – догадался он.

– Ага, – согласилась я.

– Тогда будьте добры, протрите в моём кабинете дверь, она в каком-то... – он несколько секунд подыскивал слово вместо того, которое напрашивалось. – Кофе, что ли, на неё кто-то разлил...

Через пятнадцать минут я мыла дверь в его кабинете, а красотка Рая Малышкина вовсю флиртовала с ним. Они не замечали меня, потому что женщины с моей внешностью – пустое место.

– Меня Рая зовут, – с придыханием говорила она. – Я пишу о театрах.

Он просканировал её взглядом – Малышкина не могла оставить равнодушным ни одного нормального мужика.

– О театрах? О театрах... – Никитин встал и, не таясь, заглянул Малышкиной в декольте. – Вы издеваетесь?

– Почему?

Повисла пауза. Чёртово пятно на двери не оттиралось ни тряпкой, ни жёсткой губкой, похоже это был не кофе, а краска, и помочь мог только ацетон или растворитель.

– А потому, Рая, что у вас вид человека, который ни черта не понимает в театрах. Где можно ваше что-нибудь почитать?

– На сайте есть мои статьи. – Рая наклонилась к компьютеру и задвигала мышкой. Она и не подумала обидеться на его недипломатичный кульбит.

Я рассматривала пятно на двери, но видела, как Никитин пожирает глазами Раю.

– Я, вообще-то, актриса, – сказала Малышкина. – Ушла из театра из-за травмы позвоночника, не выношу нагрузки.

Она с вызовом на него взглянула, он смутился.

– Извините.

– Ничего, – дёрнула плечом Рая. – Нормальное хамство. Вот статья, читайте.

– У вас ацетона нет? – поинтересовалась я.

Никитин не услышал – он углубился в статью. Рая тоже – она углубилась в свою обиду.

– У вас ацетон есть? – громче спросила я.

– Что? – Никитин оторвал глаза от компьютера.

– Это краска, – пояснила я, показывая на дверь. – Ацетон нужен.

– Мань, ну, какой ацетон? – засмеялась Рая. – Чего ты привязалась к этому пятну? Плюнь на него.

– Это я ей сказал пятно оттереть. Маня? Тебя Маня зовут?

– Мария Геннадьевна.

Ответа моего он уже не услышал, потому что ответы некрасивых женщин не имеют вообще никакого значения.

– Отличный слог, – сказал Никитин Рае. – Лёгкий, хлёсткий, простой. Сегодня премьера в Доме Актёра. Пойдём?

– С вами?

– Со мной.

– Фу, антреприза... – Рая держала марку, но он уже знал, уже видел, нюхом самца осязал скорую и быструю победу уже сегодняшним вечером.

– Вот и напишешь про "фу, антрепризу". Не всё же классикой народ пичкать. Мы разностороннее издание. "Вечёрка" дело такое... демократичное...

Он нёс уже всякую чушь, не имея опоры, потому что Рая была не только красивой, она умела ставить крючок с той наживкой, мимо которой нельзя пройти при нормальных мужских реакциях и здоровой мужской психике.

Я взяла тряпку, губку, пластиковое ведро с водой, и ушла дописывать свою криминальную хронику.

Никитин засел у меня в мозг, в сердце – как до него не удавалось засесть никому, кроме соседа по старому дому Серёже, у которого был огромный дог Ричард. И этот Ричард оказался единственным существом в мире, который время от времени проявлял ко мне мужской интерес. А Серёжа резко дёргал за поводок и кричал "Фу, Ричард!" примерно с той же интонацией, с какой Малышкина говорила "Фу, антреприза".

Я наспех дописала колонку, отдала редактору и на полчаса раньше отпросилась домой, сославшись на головную боль.

– Иди, – вздохнула редакторша Кира Андреевна, махнув на меня рукой. – Одна я тут железная, у меня одной никогда не болит голова.

II

Наверное, вы думаете, что я кокетничаю, называя себя некрасивой.

Наверное, вы думаете, что достаточно немного косметики и сексуальной одежды, чтобы любой серой мышью стать привлекательной.

Так вот, я не серая мышь.

Я некрасивая.

И никакой косметикой и одеждой этот факт не исправить.

Лет в семнадцать я поняла, что лучше совсем не краситься, и одеваться в широкие брюки и водолазку – так я хотя бы пустое место, а не уродина, в которую все будут тыкать пальцем.

Без пятнадцати шесть я решила, что тоже хочу поехать в Дом Актёра.

Имею право.

И могу даже не объяснять себе, почему я этого захотела.

Захотела и всё.

Некрасивым женщинам можно то, что для красивых может показаться странным и неприличным.

Ситуацию облегчало то, что для вечернего выхода мне не нужно было никаких ухищрений – разве что кроссовки сменить на туфли.

Прямо вот слышу, как миллион голосов возмущённо твердит – некрасивых женщин не бывает!

Бывает, поверьте мне.

Даже таксист, подвозивший меня, удивлённо переспросил:

– Куда? Дом Актёра?

Словно хотел сказать – "да тебе с таким хлебальником, милочка, нужно дома сидеть и крестиком вышивать, а не по театрам шляться".

Он молча довёз меня и молча дал сдачу.

Мне ни разу в жизни не попадались болтливые таксисты.

О чём говорить с некрасивой?

О политике – глупо. О бытовых проблемах – ещё глупее.

Лучше прибавить скорость и побыстрее сменить пассажирку.

Я взяла в кассе последний билет. В таких мелочах мне всегда везло, словно кто-то подарил мне компенсацию за мою главную неудачу – внешность.

Спектакль и, правда, оказался пошлейшим – она сказала ему, что едет к маме, а сама назначила встречу любовнику; он сказал, что едет в командировку, а сам назначил встречу любовнице; в результате они крутились в одной квартире, не замечая друг друга, а пройдоха горничная выманивала деньги то у одного, то у другого, и крутила ситуацией так, что я окончательно запуталась в сюжете. Актёры кривлялись, орали и путали слова. Единственное, что меня заинтересовало, так это то, что горничная была некрасива. То есть, правда жизни всё же была в этом спектакле – некрасивые рулят ситуацией, извлекая для себя выгоду, потому что на них, некрасивых, никто особо не обращает внимания.

Правда, мне эта выгода нужна была не в деньгах, а в более тонкой субстанции. Деньги такая чушь – тем более, если их особо не на что тратить. Квартира у меня есть – досталась от бабушки в наследство, – машина мне не нужна, я боюсь водить, в еде я неприхотлива, одежды нужно минимум, ну, а про косметику и другие женские глупости я уже говорила – они из некрасивой превращают меня в уродину.

Раю с Никитиным я в зале не увидела. Закралось даже подозрение, что в театр они не пришли, изменив планы, допустим, на ресторан. Но на поклонях я услышала его голос – "Браво!". Сама удивилась – с чего я решила, что узнала его голос?! – но обернулась и увидела Никитина

рядом с Раей чуть позади, через ряд. Они аплодировали каким-то идиотским, дурашливым способом – он правой рукой обнимал её за плечи, а она своей ладонью хлопала в его левую ладонь.

Два часа этого балагана на сцене явно помогли им сблизиться настолько, что после спектакля можно было в ресторан и в постель. А, может, сразу в постель, минуя ресторан – и зависимости от того, жаден или широк душой Серж.

Я вдруг поймала себя на мысли, что хочу знать о нём всё – где живёт, какие у него привычки, что он любит есть по утрам, что смотрит и что читает, и говорит ли он по-французски. Мне показалось, что даже самые некрасивые его привычки и мелочные черты характера не смогли бы вызвать у меня неприязни.

Некрасивая горничная аплодисментов сорвала больше всех. И даже единственный букет жёлтых роз достался ей. Она послала воздушный поцелуй в зал.

Никитин, не снимая руку с плеча Раи, повёл её к выходу. Рая засунула руку в задний карман его джинсов.

Я ей не завидовала. Зависть пустое занятие. Я просто хотела быть в курсе, что у них происходит, поэтому поймала такси и попросила водителя ехать за чёрным джипом, в который Серж посадил Раю. Таксист осуждающе покачал головой, но поехал.

– Это мой начальник, – зачем-то пояснила я.

Таксист включил погромче шансон.

Иногда мне хочется поговорить с незнакомыми людьми. Но они редко отвечают взаимностью. Разве что, если хотят продать мне что-нибудь подороже, но это бывает только на базаре, а хожу я туда очень редко.

– Это мой начальник, он, кажется, собрался переспать с нашей сотрудницей! – перекричала я шансон.

– А тебе-то что? – удивился таксист.

– Я знаю, некрасиво следить. Да, вот такая сволочь.

Таксист усмехнулся и промолчал.

Джип затормозил у дома, который называют таун-хаус. Таксист остановился так, чтобы от подъезда его не было видно.

– Я денег с тебя не возьму, – приглушив музыку, сказал он.

– Почему?

– Следить противно. Ненавижу тех, кто подсматривает и подслушивает.

– Вы тут вообще ни при чём. Это я гадина. Возьмите деньги.

– Брысь отсюда, пока я твоему начальнику не посигналил.

Я вышла, он тронулся, соблюдая все правила конспирации – тихо и со светом одних только габаритов.

Чистоплюй и дурак.

Интересно, если я была бы красоткой, он тоже сказал бы мне – «брысь»?

Я думала, они зашли уже в дом, но они целовались в машине, нежно и целомудренно.

Я стояла на холодном ветру и смотрела издалека.

Французское кино.

Это было красиво.

Лучше, чем дурацкая антреприза.

Потом Серж вышел, открыл Рае дверь и подал руку.

А она подала ногу – с высоким подъёмом, в алой туфле на провокационно остром каблуке.

Он взял этот стилет, снял туфлю, потом другую.

– Ужас, как я ноги натёрла, – засмеялась Рая. – Помаду съел, на пятках мозоли. Ты уверен, что хочешь, чтобы я поднялась к тебе?

- Предлагаешь не торопить события?
- Не знаю. С одной стороны, ужасно хочется быть крутой и незакомплексованной.
- А с другой?
- А с другой, правильной будет включить динамо.

Он зарычал – красиво и театрально изображая разочарование и досаду. Демонстративно бережно надел на неё туфли и, задержав в руке её ногу, спросил:

- У меня дома бутылка "Шато Марго" урожая девяностого года. Может, передумаешь?
- Нет. – Рая выдернула ногу из его рук. – Поехали.
- Обещаю, что не притронусь к тебе.

– Что?! – Рая шлёпнула его по плечу, потом снова и снова, изображая шутливое избиение. – Не притронешься?! Ты сказал, не притронешься?!

Французское кино стало ещё более изысканным, все эти изгибы и линии, слова и движения были достойны того, чтобы их пересматривать снова и снова. Рая открыла вдруг бардачок и достала оттуда пистолет.

- Пах! – сказала она, направив дуло на Сержа и держа палец на спусковом крючке.
- Я же говорил, он игрушечный, – сказал Серж. – Для антуража.
- Представляешь, а у меня дома есть настоящий.
- Откуда? – удивился Серж.
- От бывшего мужа остался. Я спрятала, когда разводились. С паршивой овцы хоть шерсти клок, – вздохнула она.

– Никогда не направляй оружие на человека. Даже если это игрушка. – Серж мягко выкрутил пистолет из руки у Раи и положил его в бардачок.

- Апусти меня за руль, – попросила Рая. – Так хочется порулить...

Он разрешил великодушным жестом, в котором чувствовалась обида за нарушенные вечерние планы.

Она, не выходя из салона, перебралась за руль, и они уехали.

Я поняла, что осталась одна в незнакомом районе с напрочь разряженным телефоном и продрогшая до костей. Петляя и путаясь, я пошла туда, где слышался шум трассы и светили огни – чтобы поймать такси.

Видимо, я срезала путь, потому что первое, что увидела на дороге – это чёрный джип. Он мчался на большой скорости, стремительно приближаясь к оживлённому перекрёстку, где горел красный светофор. По пешеходному переходу шёл парень. Было темно, но отчего-то я отчётливо разглядела на нём очки и красную толстовку с принтом "Be Harry". На парне были наушники, он не смотрел по сторонам и шёл неторопливо – как ходят пешеходы, уверенные, что соблюдение дорожных правил гарантирует им абсолютную безопасность.

- Осторожнее! – крикнула я то ли парню, то ли чёрному джипу.

Послышался глухой удар, парень подлетел вверх.

Я зажмурилась – никогда на моих глазах не сбивали пешеходов. Мысль, что в этот момент душа отделяется от тела, а тело приземляется на асфальт уже мёртвым, показалась настолько ужасной, что я чуть не сорвалась с места, чтобы убежать. Если бы не подвели ноги, которые стали ватными, я бы, наверное, так и сделала.

Но пришлось открыть глаза.

Парень в красной толстовке лежал в нескольких метрах от перехода, как сломанная и выброшенная за ненадобностью кукла. Кроссовки валялись далеко от него – одна на газоне, другая на встречной полосе.

Джип, немного притормозив, стал набирать скорость.

Мои герои из французского фильма решили удрать.

Другие машины тоже ехали мимо и тоже, как мне показалось, заметив сбитого парня, ускорились.

Я была единственная, кто должен был к нему подойти.

Почему мироздание ткнуло в меня своим пальцем?

Терпеть, кстати, не могу это слово – мироздание. Оно такое острое и угрожающее, им заменяют слово Бог, когда не хотят или боятся его упоминать.

Я подбежала к парню, под головой у него медленно расплывалось чёрное пятно крови.

Что нужно было делать?

Я не знала.

Телефон был разряжен.

– Эй, – я дотронулась до его плеча. – Не помирай, а? У меня было такое кино... И вдруг ты со своими наушниками... Всё испортил.

– Очки... – простонал парень. – Найдите мои очки, я ничего не вижу без них.

– Сейчас, – я стала ползать по асфальту и искать между шныряющих мимо машин очки, и только тут до меня дошло – парень жив, и надо его спасать, а то точно помрёт.

Недалеко светилась вывеска кафе "Дикий Запад". Я бросилась туда – за помощью, за телефонной связью, за стаканом воды, потому что во рту пересохло.

III

– Кипятка подлей, – попросила Вера и придвинула ко мне чашку с заваркой на дне.

Да, у меня есть подружка.

Вернее, соседка.

А в общем – и то и другое, потому что совмещать подружку с соседкой очень удобно.

Вера математик. Работает в институте математики, пишет диссертацию.

Муж Веры тоже математик. Он то бросает Веру, то возвращается к ней. Сегодня вот опять бросил, поэтому Вера пришла ко мне, ей одной тошно.

– Кажется, я беременна, – сообщила Вера без малейшей нотки трагизма в голосе.

– Ты всегда так говоришь, когда Генка уходит.

– Да Генка здесь ни при чём, – отмахнулась Вера.

– Здрасьте, приехали, – удивилась я. – А кто при чём?

– Я в том смысле, что мне без разницы, вернётся он или нет, всё равно не буду рожать.

У меня на носу защита, какой ребёнок?

– Дело хозяйское.

– Слушай, давай я тебя накращу. И причёску сделаю. Вот увидишь – сразу кто-нибудь клюнет.

– Вер, это запретная тема, ты, что, забыла?

– Ой, ладно, ладно, всё, больше не буду. Просто, ну, надо же уже как-то социализироваться...

– Я уже социализировалась сегодня, спасибо.

– Ну-ка, ну-ка! – Вера подула на чай. – Расскажи, интересно.

– У меня на глазах парня сбили.

– Да ты что! Кто?

– Не знаю. Незвестная машина. Сбила и уехала.

– А ты?

– А я "Скорую" вызвала и всё такое.

– Живой?

– Врач сказал, шансов мало.

– Они всегда так говорят, чтобы не обнадеживать.

– Да мне-то что... Я человек посторонний, меня обнадеживать не надо.

– Понятно. И что, того козла не найдут? Который сбил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.